

Содержание

- 7 *Михаил Бойцов*. Вводные замечания

КРЕСТ В КАМНЕ

- 14 *Андрей Виноградов*. *Ex oriente crux*². Ранняя эволюция византийских церквей типа вписанного креста в свете новых открытий

ИМЕНА УБИЕННЫХ

- 44 *Анна Литвина, Федор Успенский*. Загадка князя Святослава: имя и власть на ранних этапах существования династии Рюриковичей

РИМ ПОСЛЕ РИМА

- 56 *Олег Воскобойников*. Магистр Григорий и «чувство Рима» в Средние века
- 69 *Магистр Григорий*. Рассказ о чудесах города Рима
Перевод с латыни *Олега Воскобойникова* и *Натальи Тарасовой*
Комментарий *Олега Воскобойникова*
- 88 *Михаил Бойцов*. Юный герцог и Юлий Цезарь.
Конструирование полезного прошлого в Австрии XIV века

МЫСЛЯЩИЙ ИНФАНТ

- 166 *Александр Русанов*. Между морализаторской риторикой и политической теорией: ценные мысли инфанта дона Педру
- 188 Послание инфанта Педру своему брату наследнику престола инфанту Дуарте, отправленное из Брюгге в 1425/26 году
Перевод со старопортугальского и комментарий
Александра Русанова под редакцией *Олега Воскобойникова*

ТРУДНОЕ ВСЕМОГУЩЕСТВО

- 202 *Василий Долгополов, Ульяна Доброва*. Франческо делла Ровере и его трактат «О могуществе Божиим»

- 230 *Франческо дела Ровере. О могуществе Божиим*
Перевод *Василия Долгополова* и *Алексея Корчагина*
под редакцией *Ильи Аникьева*
Комментарий *Василия Долгополова*

НАРОД КАК ПРОБЛЕМА

- 256 *Михаил Дмитриев. «Русский народ» или «люди Божии»?*
Об особенностях протонациональных дискурсов в культуре
Московской Руси
- 306 Список иллюстраций
- 309 Список сокращений
- 310 Указатель имен, понятий и географических названий
Составители *Алексей Изосимов* и *Герман Бароян*
- 324 Авторы
- 326 Abstracts
- 332 Contents

Вводные замечания

Очень уж широкие темы вынесены в заглавие нашей книги — шестой, выпущенной Лабораторией медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»¹. Разумеется, на последующих страницах мы можем лишь бегло их коснуться, обозначить свой интерес к ним — не более.

Представлениям о *Боге* в Средние века посвящены тысячи исследований, вышедших за несколько последних веков, и наверняка появятся новые тысячи в столетиях грядущих — насколько хватит жизни академической истории. *Римом* и *народом* медиевисты занимались, конечно, несопоставимо меньше, но и тут наберутся целые библиотеки. Возможно, когда-нибудь и мы постараемся монографически разобрать с разных сторон хотя бы какую-нибудь грань одного из таких больших сюжетов. Пока же сохраняем верность принципу множественной истории, давшему название сначала собственным трудам Лаборатории, а с недавних пор и более широкой по составу книжной серии.

За свежее слово «Полистория» мы не устаем благодарить авиньонского скриптора начала XIV в. Джованни Каваллини де Черрони. Оказалось, что созданный им образ «множественной истории» не только подходил к разнообразию повествований о былом в его собственное время, но и на удивление точно соответствует *сегодняшней* картине прошлого, ставшей «множественной» как никогда ранее. Никогда ранее историки не находили такого изобилия тем для своей работы. Никогда ранее они не пользовались столь разнообразными

¹ Предыдущие книги: Средневековая Европа: Восток и Запад / отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2015; Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе / отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2016; Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2017 (переизд.: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе / сост. и отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. 2-е изд. М., 2021. (Polystoria)); Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / отв. ред. С.А. Яцык. СПб., 2018; Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М., 2021. (Polystoria).

исследовательскими приемами. Никогда ранее не звучало такого разногласия в историографии. А главное, никогда ранее историкам не было так отчетливо видно, что к подлинному пониманию прошлого можно приблизиться, лишь обсуждая различные взгляды на него, а не диктуя начальственным тоном якобы единственно мыслимые правильные его оценки. Сегодня история может быть только «множественной».

Ощущение, что слово *polystoria* удачно передает состояние новоевропейского исторического знания, возникло, впрочем, не у нас первых. Испанский филолог Бисенте Тинахеро Мартинес именно под этим названием опубликовал в мадридском журнале *Revista contemporánea* в самом начале 1880-х годов серию очерков о развитии европейской историографии в XVII столетии². Стоит похвалить автора за незаурядный кругозор: он упомянул даже Юрия Крижанича, хотя и отнес его ко времени правления на Руси некоего «царя Алехандро»³... Тинахеро Мартинес собрал свои очерки в книгу, но издал ее, как говорят, тиражом всего 50 пронумерованных экземпляров, что превратило ее в библиографическую редкость, нам пока — увы — недоступную⁴...

Содержание нашей новой книги не очерчивается полностью тремя ключевыми словами — Бог, Рим, народ, — хотя, пожалуй, каждую «историю» в ней можно так или иначе связать по меньшей мере с одним из них.

Право рассуждать о Боге естественно было предоставить не первому встречному, а князю Церкви — кардиналу Франческо делла Ровере, будущему папе Сиксту IV. Ему лучше многих других удастся показать читателю, сколь сложен вопрос о всемогуществе Божиим и имеются ли у этого могущества хоть какие-нибудь пределы. Покажет он заодно и то, какими интеллектуальными инструментами оперировали богословы XV в., причем меняясь ими порой с правоведами. В самой возможности такого обмена крылась простая истина: всякий земной правитель служит в той или иной степени образом Господа, как и любой судья представляет в некоторой мере высшего Судью...

² Tinajero y Martínez V. *Polystoria* // *Revista contemporánea*. Т. 28. 1880. P. 333–352, 422–435; Т. 29. 1880. P. 167–178, 424–441; Т. 30. 1880. P. 302–319; Т. 32. 1881. P. 396–415; Т. 36. 1881. P. 57–76; Т. 37. 1882. P. 463–480; Т. 38. 1882. P. 67–83.

³ Ibid. Т. 28. P. 344.

⁴ *Idem*. *Polystoria*. Madrid, 1880.

С Римом, конечно, проще — и не только потому, что вечность (aevum) Вечного города совсем иного порядка, чем вечность (aeternitas) Бога. Рим только в одном своем измерении метафизичен (и ангелоподобен⁵), оставаясь вплоть до наших дней умозрительным символом могучей политики европейского типа. В другом же измерении Рим сугубо материален, а потому может быть увиден обычными плотскими очами и худо-бедно описан, притом даже не самым искусным языком. Так, Магистр Григорий в конце XII в. проделал далекий путь (скорее всего, от английских берегов), чтобы вблизи рассмотреть триумфальные арки, капитолийскую (тогда еще латеранскую) волчицу и мальчика, вынимающего занозу. (Кстати, перенести обе статуи на Капитолий распорядится только что упомянутый Сикст IV.) Присматривался Григорий к ним, пожалуй, даже чересчур пристально, а уж нагая Венера из паросского мрамора, хотя и покалеченная, вовсе лишила его душевного равновесия... Почему-то для магистра (а также для «друзей», которым он адресовал свои заметки) Рим оказался интересен не бесценными христианскими реликвиями, а языческими диковинами. Истории и байки, которыми Григорий в изобилии сдобривает свой рассказ — как те, что вызывают его скепсис, так и те, которым он верит, — очень напоминают небылицы, сочинявшиеся и в других знаменитых городах. Прежде всего в Новом Риме — на берегах Босфора⁶... Заодно они показывают нам, как образованные европейцы на рубеже XII и XIII вв. представляли себе античную историю — прямо скажем, иначе, чем принято сегодня...

Если мы согласимся, что Григорий на свой лад любит Античность, то признаем и то, что его любовь к языческому Риму столь же бескорыстна, как и к каменной Венере. Совсем иначе обстоит дело с небольшой группой венских ценителей истории, примерно полтора веками позднее проявивших интерес к классическому прошлому. Их по-своему умелая реконструкция реалий ранней империи времен Октавиана Августа и Нерона отличалась сугубой прагматичностью.

⁵ О родстве городов с ангелами см.: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. 2-е изд., испр. М., 2015. С. 154–162, 381–391, 411–425.

⁶ См. классический труд: Dagron G. Constantinople imaginaire. Études sur le recueil des *Patria*. P., 1984. (Bibliothèque byzantine; Études 8).

Получившийся у них образ языческого Рима не имел ничего общего с языческим Римом Магистра Григория — хотя совсем уж без Венеры не смогли обойтись и они...

Историки давно знают, что искать для Средневековья точное определение понятия «народ» можно бесконечно, но без особого результата. Если немецкие рыцари шли за своим императором в атаку с боевым кличем «*Romanum Imperium!*», как уверяет нас хронист (хотя если он и прав, то кричали они, скорее всего, все же «*Das Römische Reich!*» на своих швабских, баварских, верхнерейнских и прочих диалектах), то как представляли они себе собственную идентичность? К какому «народу» они себя относили? Считали ли они себя германцами, римлянами, швабами (баварцами и т.п.), а то, быть может, и всеми сразу? Оказавшись за морем — в Святой земле, — тосковали ли крестоносцы только по родной Бургундии, Шампани, Пикардии или же по «сладкой Франции» в целом? Отбиваясь от наседавших сарацин, считали ли они «своими» одних французов или одних немцев, всех христиан латинского обряда или же любых христиан вообще? А вдруг и верных мусульманских слуг тоже? Или размежевание, если и имело место, то шло по иным линиям, например, разделявшим хорошо сплоченные сообщества: иоанниты — это «наши», а тамплиеры — уже не совсем (или наоборот)... Ближе к восточному краю Европы с определением собственной идентичности было, видимо, ничуть не проще, что и обсуждается в самом конце нашей книги.

Помимо только что перечисленных исследований на последующих страницах читатель найдет и другие, которые, впрочем, тоже не сложно связать с тремя главными темами из заглавия. Так, детальное исследование эволюции одного из видов храмовой архитектуры, конечно, имеет отношение к представлениям о Боге у заказчиков церквей, зодчих и прихожан. Местами донельзя абстрактные, местами же приземленнее некуда рассуждения одного португальского инфанта на тему о том, как улучшить состояние королевства, вписываются в долгую традицию наставлений об идеальном устройстве что домохозяйства, что политического сообщества. Поскольку же метафорическим образцом и реальным источником правовой мысли для средневековых политических сообществ был, конечно же, Рим, то и эта часть книги вписывается в заданную тематическую рамку.

Если в образе Рима мы вправе узнать всякую крупную политику, то и кровавая борьба за власть над нею — тоже вполне «римский» сюжет. Тем более когда речь идет о братоубийстве. Не раз и не два на дом Рюриковичей ложилась мрачная тень этого преступления. Известнее всего — гибель Бориса и Глеба от рук убийц, подсланных одним из их старших братьев. Однако мало кто вспомнит, что в той же борьбе за киевский престол погиб еще один сын Владимира — Святослав, и туман, окутывающий его кончину, еще гуще, ведь его жития никто так и не написал. И все же, кажется, удалось найти путь к тому, чтобы отчасти прояснить ту давнюю трагедию, а может быть, даже назвать имена заказчиков всех трех убийств...

Не все из собранных здесь работ написаны постоянными сотрудниками Лаборатории. Мы вполне осознанно предоставляем наши страницы и молодым медиевистам, чтобы они на практике учились вносить посильный вклад в ту «множественную историю», которую научное сообщество рассказывает не только самому себе, но и публике — как мы надеемся, благосклонно настроенной.

Крест в камне

Ex oriente crux².

Ранняя эволюция византийских церквей типа вписанного креста в свете новых открытий

doi:10.17323/978-5-7598-2111-3_14-42

Проблема происхождения храма типа вписанного креста (*англ.* cross-in-square church) как часть более широкого вопроса о генезисе кресто-купольных церквей вообще — ключевая для истории становления средневизантийского зодчества и крайне волновавшая исследователей христианской архитектуры в первой половине — середине XX в. — ближе к концу столетия явно отошла на второй план, так что в новейших историях византийского зодчества она вообще не поднимается¹. Впрочем, так случилось не потому, что проблема эта была решена, но потому, что она стала считаться практически неразрешимой, как хорошо видно из последних — и притом уже довольно давних — обзоров Д. Ланге и Н. Шмука².

Видятся три основных причины такого тупика. Во-первых, в дискуссии о храмах типа вписанного креста произошла резкая поляризация позиций без возможности доказать абсолютную правоту одной из них или, наоборот, примирить их между собой. Во-вторых, многие исследователи сконцентрировались именно на происхождении рассматриваемого типа и широких вопросах типологии, пренебрегая изучением конкретных памятников и выяснением их датировок и контекста в угоду концепциям «большого стиля» и эволюционистским моделям, что сильно дискредитирует их построения. В-третьих — что,

¹ См., например, такое лаконичное замечание: «The origin of this inscribed cross form is not known» (*Patricios N.N. The Sacred Architecture of Byzantium: Art, Liturgy and Symbolism in Early Christian Churches. L.; N.Y., 2014. P. 55. (Library of Classical Studies; 4)*).

² *Lange D. Theorien zur Entstehung der byzantinischen Kreuzkuppelkirche // Architectura. 1986. Bd. 16. S. 93–113; Schmuck N. Kreuzkuppelkirche // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. 5. Stuttgart, 1995. Sp. 356–374.*

пожалуй, существеннее всего, — почти исчерпана источниковая база вопроса, и споры, давно уже вращающиеся вокруг очень узкого круга памятников, утомили исследователей³.

Действительно новое обобщение информации было предпринято лишь П. Гроссманном⁴, но только для варианта вписанного креста с изолированными угловыми ячейками — наименее спорного, так как он точно имеет римское происхождение⁵. Кроме того, произведено оно было на очень ограниченном материале: Осиос Давид (храм монастыря Латому) в Фессалонике (вторая половина V в.), мавзолей (?) в киликийском Аккале (конец V — начало VI в.), парэкслесий при базилике в ликийском Каркабо (совр. Алакилисе; начало VI в.)⁶ и ливийский храм в Каср-эль-Либия⁷. К этому перечню следует добавить часто обсуждавшиеся в литературе южносирийский храм в Шакке, и аравийскую церковь Пророков, апостолов и мучеников в Герасе (о них см. ниже), и менее изученные киликийский храм на о. Несулион (Богсак

³ Ср. скепсис Дж. Райта относительно данной темы уже в 1970 г.: «It would be foolish to rehearse and assess once more the origins of the “Cross-in-Square” Church... Much learning, application and penetration has hitherto been expended to this end; some polemics also — indeed the dispute has become one of the “causes célèbres” of Architectural History» (*Wright G.R.H. The Habitat of the Byzantine Cross-in-Square Church // Byzantinoslavica. 1970. Vol. 31. P. 217–228*). Пример безуспешности новой попытки продолжить дискуссию на старом материале — *Dimitrokallis G. La genèse de l'église en croix grecque inscrite // Byzantivá. 2002/2003. T. 23. Σ. 219–232*.

⁴ *Grossmann P. Zur typologischen Stellung der Kirche von Hosios David in Thessaloniki // Felix Ravenna. 1984–1985. Vol. 127–130. P. 253–260*; дополнения см. в: *Grossmann P., Severin H.-G. Frühchristliche und byzantinische Bauten im südöstlichen Lykien. Ergebnisse zweier Surveys. Tübingen, 2003. S. 36. Anm. 110. (Istanbuler Forschungen; 46)*. Из этого обзора следует исключить здание № 45 в Борате (совр. Дегле; причем в Ликаонии, а не в Киликии), по технике идентичное соседнему средневизантийскому храму № 35, а также мартирий около базилики под улицей Тритис Септембриу в Фессалонике и храм близ Ботева, относящиеся к другому типу (*croix libre*).

⁵ См.: *Edwards R.W. The Domed Mausoleum at Akkale in Cilicia. The Byzantine Revival of a Pagan Plan // Byzantinoslavica. 1989. Vol. 50. P. 46–56; Almagro G.A. A Byzantine Building with a Cross Shape Plan in the Citadel of Amman // Annu. of the Dep. of Antiquities of Jordan. 1994. Vol. 38. P. 417–427*.

⁶ Он относится к 510–520-м годам, на что указывает его резьба и перевязка с телом базилики (подробнее см.: *Grossmann P., Severin H.-G. Op. cit. S. 33–49. Taf. 3–9*), а не к Темным векам, вопреки типологической датировке в: *Ousterhout R. The Architecture of Iconoclasm: The Buildings // Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca 680–850): The Sources: An annotated survey. Aldershot, 2001. P. 12. (Birmingham Byzantine a. Ottoman Monographs; 7)*.

⁷ *Wright G.R.H. The Martyrby by the City Wall at Apollonia: Its Structure and Form // Libyan Studies. 1993. Vol. 24. P. 52*.

Ада; V–VI вв.)⁸, и церковь в восточнокаппадокийской Лариссе (совр. Манджылык)⁹; ср. также аналогичные постройки с конхами в торцах рукавов, разрушенный мавзолей Св. Креста при Латеранской базилике в Риме (461–468 гг.), с гексагонами в углах¹⁰, и тип *croix semi-libre* (например, храм св. Илии в Эзре (542 г.)).

Пример Гроссманны, ясно показавшего римско-ранневизантийское происхождение типа вписанного креста с изолированными ячейками, демонстрирует, что замкнутый круг дискуссии о византийских храмах типа вписанного креста можно разорвать прежде всего включением в обсуждение новых памятников, чему и будет посвящена настоящая статья. Оговоримся, что под новыми мы понимаем не только храмы, открытые после угасания вышеописанных дискуссий, т.е. с 1970-х годов, но и давно известные церкви, которые по каким-то причинам несправедливо не рассматривались в интересующем нас контексте. Следует также оговориться, что в настоящей работе мы сфокусируемся именно на развитии и распространении, а не на происхождении плана вписанного креста на раннем (до IX–X вв.) этапе византийской крестово-купольной архитектуры. Однако сначала все же следует кратко — насколько

⁸ *Hellenkemper H., Hild F. Neue Forschungen in Kilikien. Wien, 1986. S. 37. Abb. 20–22. (Veröffentlichungen der Kommiss. für die Tabula imperii byzantini; 4).* Это храм несколько особого типа: угловые ячейки здесь оформлены не как отдельные компартименты, а как массивы, прорезанные нишами.

⁹ Этот храм сохранился только до уровня сводов и недостаточно изучен. Западные и восточные ячейки существенно удлинены; центральная апсида снаружи пятигранная, а боковые в экстерьере не выражены. После того, как Ларисса перешла в 1019 г. к Иоанну Синахерибу, храм стал кафоликоном армянского монастыря св. Феодора (Торосиванк). Ж.-М. Тьерри считал храм византийской постройкой X–XI вв. (*Thierry J.-M. Données archéologiques sur les principautés arméniennes de Cappadoce orientale au XIe siècle // Rev. des études arméniennes. 1996–1997. Vol. 26. P. 157–158, 172. Fig. 23–24*), но М. Рестле по наличию трехлопастного северного портала отнес его к армянским постройкам XII–XIII вв. (*Hild F., Restle M. Kappadokien (Kappadokia, Charsianon, Sebasteia und Lykandos). Wien, 1981. S. 221. (Tabula imperii byzantini; 2)*). Однако хорошо видно, что трехлопастное завершение этого портала и арка двери опираются на сложнопрофилированные косяки древнего портала — такие же, как на полностью сохранившемся западном портале, и имеющие аналогии в ранневизантийских памятниках как раз Восточной Каппадокии (Бузлук, Скупи, Томарза; *Restle M. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Wien, 1979. Taf. 81, 131, 136. (Veröffentlichungen der Kommiss. für die Tabula imperii byzantini; 3).* (*Denkschriften der philosophisch-historischen Klasse; 138*)).

¹⁰ *Grabar A. Martyrium: Recherches sur le culte de reliques et l'art chrétien antique: en 2 vols. Vol. 1. P., 1946. P. 164–165; Brandenburg H. Ancient Churches of Rome. Turnhout, 2005. P. 50, 264.*

это необходимо для целей нашей работы — описать основные научные теории происхождения храмов типа вписанного креста, которых можно выделить три (не считая синтетических, см. ниже)¹¹.

Появление первой, «эволюционистской» теории связано с именем О. Вульффа, которого в общем и целом поддержали А. ван Миллинген, Ш. Диль, Ж. Эберзольт, М. Бюльманн, Э. Ходдиотт, В. Залозецкий-Сас, Н.Н. Брунов, А.Л. Якобсон, Й. Кольвиц, П. Лемерль, Х. Бухвальд, И. Хуттер, Ж. Лафонтен-Дозонь и др.¹² Согласно его концепции, средневизантийский храм типа вписанного креста представляет собой результат трансформации купольной базилики с рукавами креста (крестово-купольной базилики, *cross-domed basilica*) — или *croix libre* (согласно А. Грабару и др.) — и церкви с изолированными угловыми ячейками. Недостаток этой теории заключается в концентрации исключительно на вопросе происхождения средневизантийского крестово-купольного храма на четырех свободных опорах, тогда как более ранние памятники типа вписанного креста здесь игнорируются или объявляются заведомо не связанными с позднейшими¹³, что приводит даже к их «упозднению»¹⁴.

Вторую теорию можно условно обозначить как кавказскую (ирано-армянскую). Впервые она была сформулирована Й. Стржиговским, для которого родоначальником типа является иранский четырехстолпный храм огня («чахар-так»), приведший к созданию церкви типа вписанного креста сначала в Армении, а позднее, под армянским влиянием, и в Византии (в частности, расцвет данного типа в македонский период исследователь связывал с полуполюгендарным армянским происхождением императора Василия I). В таком виде данная гипотеза была мало кем поддержана: иранскую ее часть приняли А.М. Шнейдер, К. Эрдман и др., армянскую — большинство армянских ученых, а среди западных исследователей — например, Ю. Балтрушайтис и Ф. Вахсмут¹⁵, хотя

¹¹ См.: *Schmuck N. Op. cit.*; несколько иную схему см. в: *Lange D. Op. cit.* S. 93–101.

¹² Библиографию см. в: *Lange D. Op. cit.*; *Schmuck N. Op. cit.*

¹³ «The Byzantine architects who, toward the end of the eighth or the beginning of the ninth century, introduced the cross-in-square plan had never heard of these fire temples, nor were they aware of the second-century “praetorium” of Musmiye in Syria, which has been dragged into the discussion because its ceiling was supported on four freestanding columns, nor, in all probability, of the audience hall of al-Mundhir at Resafa» (*Mango C. Byzantine Architecture. N.Y., 1976. P. 178*).

¹⁴ Ср. выше, примеч. 12.

¹⁵ Библиографию см. в: *Lange D. Op. cit.*; *Schmuck N. Op. cit.*

сегодня ее практически никто не разделяет¹⁶ (редкое исключение — А. Це¹⁷). Особый вариант этой кавказской теории предложил Г.Н. Чубинашвили, который разделял грузинские и армянские памятники типа вписанного креста, приписывая первым автохтонное происхождение, и идеи которого развили его грузинские последователи, но не принимает почти никто за пределами Грузии¹⁸.

Важно отметить, что большую роль в критике теории Стржиговского сыграло установление правильной хронологии крестово-купольных храмов на Кавказе, достигнутое благодаря уточнению датировок отдельных памятников. В результате сейчас практически общепризнано, что все храмы данного типа на Кавказе возникают после 600 г.¹⁹, кроме церкви Сурб Саркиса в Текоре (совр. Дигора), на западном портале которой существовала надпись о строительстве храма «ромеем» Ураном²⁰ по заказу армянского князя Саака Камсаракана в 485–490 гг.²¹ Поскольку изучение этого памятника затруднено его разрушением в результате землетрясения в начале XX в., существуют две точки зрения

¹⁶ «Controversial even when published; today virtually all scholars regard these theories as lacking support» (*Kleinbauer E. Early Christian and Byzantine Architecture: An Annotated Bibliography and Historiography. Boston, MA, 1992. P. 319–320*); см. также: *Maranci C. Medieval Armenian Architecture: Constructions of Race and Nation. Louvain, 2001*. Не касаясь здесь сложнейшего вопроса о соотношении, в том числе хронологическом, византийских церквей на четырех опорах и иранских «чахар-таков», напомним лишь, что большинство последних имеет Г-образные опоры (см., например: *Besenval R. Technologie de la Voûte dans l'Orient Ancien. P., 1984. Pl. 199–216*), так что их следует сопоставлять скорее с церквями с трехсторонним обходом (ср. ниже, о Египте; см. также: *Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Hammonds Worth, 1965. P. 246*).

¹⁷ *Zäh A. Zur Typologie kirchlicher Architektur im südwestlichen Kleinasien: Diss. Maintal, 2003. S. 83–84.*

¹⁸ Об армянских и грузинских «автохтонистских» гипотезах такого рода см.: *Plontke-Lüning A. Frühchristliche Architektur in Kaukasien. Die Entwicklung der christlichen Sakralbaus in Lazika, Iberien, Armenien, Albanien und den Grenzregionen vom 4. bis zum 7. Jh. Wien, 2007. S. 310–312. (Österreichische Akad. der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse Denkschriften; 359). (Veröffentlichungen zur Byzanzforschung; 13).*

¹⁹ См.: *Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции: в 4 т. М., 2012–2013.*

²⁰ Он пришел, вероятно, из Сирии, на связь Текорского храма с которой указывают также его посвящение св. Сергию и ранние сирийские граффити на его стенах (см.: *Паглазова Н.М. Текор — храм князей Камсараканов // Архит. наследство. 2009. Вып. 50. С. 5–16*).

²¹ См.: Там же.

на его генезис: М.М. Асратян и другие настаивают на одномоментной постройке здания, а изучавший его еще стоявшим Т. Тораманян и его последователи видели здесь три этапа строительства: языческий храм, превращенный в базилику, перестроенную затем в крестово-купольную церковь; исследовавший храм *de visu* Н.Я. Марр видел здесь только два последних этапа. В последнее время храм был подробно проанализирован А. Плонтке-Люнинг, которая показала, что к концу V в. относится типичная для Сирии базилика, а ее перестройка в крестово-купольный храм произошла в 1008 г.²² То же самое следует отметить и в отношении Эчмиадзинского монастыря в Вагаршапате, часто привлекаемого при изучении генезиса крестово-купольных храмов: среди исследователей нет окончательной уверенности в дате появления его плана и особенно перекрытий²³, а сам этот план был известен в Средиземноморье уже к началу V в., причем как в аналогичном виде (баптистерий в Сиде, см. ниже), так и в более сложном изводе, с двойной оболочкой и колонными экседрами (Сан-Леучио в апулийской Канозе²⁴).

Наконец, в полемике с Й. Стржиговским ряд исследователей (Ф. Герке, Дж.Т. Ривойра, Н. Мавродинов, Ф. Швайнфурт, Г. Штанцль, Г. Дехио, М. Сотириу, Б. Смит и др.²⁵) предложил видеть в византийских крестово-купольных храмах на четырех опорах результат эволюции римской архитектуры. Согласно большинству этих ученых, такая трансформация произошла на территории Сирии, поскольку все известные им ранневизантийские храмы данного типа находятся именно там. Классическим ее примером считается ныне разрушенный храм Зевса (?) 161–169 гг. в южносирийской Фене (совр. Мусмийе; старая версия о его функции как претории в настоящий момент отвергнута), перестроенный в конце IV — первой половине V столетия в кафедральный собор города: опорами для кровли здесь служили четыре колонны (подробнее о нем и других памятниках Сирии см. ниже).

²² Plontke-Lüning A. Op. cit. Kat. S. 311–317; там же см. библиогр.; ср. также: Donabedian P. Erevuyk: nouvelles données sur l'histoire de la site et de la basilique // Mélanges Jean-Pierre Mahé. P., 2014. P. 241–284. (Travaux et mémoires; 14).

²³ См.: Казарян А.Ю. Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М., 2007; Plontke-Lüning A. Op. cit. S. 312.

²⁴ См.: Mongiello L. Chiese di Puglia. Il fenomeno delle chiese a cupola. Bari, 1988. P. 20; Puglia preromana. Dal V secolo agli inizi dell'XI / a cura di G. Bertelli. Bari; Milano, 2004. P. 67–72.

²⁵ Библиографию см. в: Lange D. Op. cit.; Schmuck N. Op. cit.

«Римско-сирийская» теория подвергалась критике, прежде всего из-за отсутствия прямой связи ранних сирийских построек типа вписанного креста со средневизантийскими крестово-купольными церквями, возникавшими на другой территории²⁶. Кроме того, ошибочное отождествление храмов в Фене и аль-Мундира в Ресафе как гражданских построек (см. ниже) приводило к отрицанию типа вписанного креста как храмового до IX в.²⁷ Поэтому возникли синтетические теории (Г. Милле, В.Ф. Дайхманна, Р. Краутхаймера), предполагающие происхождение средневизантийского крестово-купольного храма из соединения ранних восточных памятников этого типа и купольной базилики.

Сирия

Переходя собственно к предмету нашего исследования, следует сперва напомнить, что довольно короткий список обычно обсуждаемых построек типа вписанного креста «канонизировался» уже к середине XX в.²⁸ и затем повторялся без добавлений — или только с сокращениями — даже в самых авторитетных историях византийской архитектуры (Р. Краутхаймера, С. Манго и др.). Так, обычно обсуждаются только два ранних сирийских памятника типа вписанного креста.

Первый из них — уже упоминавшийся храм в Фене, где центральный крестовый свод опирается на четыре колонны, полуциркульные своды рукавов — на архитравы, лежащие на центральных и пристенных колоннах, а угловые ячейки имеют плоское перекрытие (илл. 1). Датировка этого ключевого памятника вызывала дискуссии. Э. Вайганд²⁹ справедливо указал на введение здесь над коринфскими капителями римских колонн дополнительных трапециевидных капителей, которые невозможны в римской архитектуре II в. и указывают на полную переделку перекрытий. Последующие исследователи³⁰, не ставя под

²⁶ Ср. выше, примеч. 19.

²⁷ Krautheimer R. Op. cit. P. 246–247.

²⁸ См., например: Smith B. *The Dome: A Study in the History of Ideas*. Princeton, NJ, 1950. P. 111–115. (Princeton Monographs in Art and Archaeology).

²⁹ Weigand E. *Das sogenannte Praetorium von Phaena-Mismije // Würzburger Festgabe Heinrich Bulle*. Stuttgart, 1938. S. 71–92.

³⁰ Hill S. *The “Praetorium” at Musmiye // Dumbarton Oaks Papers*. 1975. Vol. 29. P. 347–349; Ma’oz Z.U. *The “Praetorium” at Musmiye, Again // Ibid.* 1990. Vol. 44. P. 41–46; Segal A. *The Temple at Musmiyeh in Relation to the Religious Architecture in Roman Palestine // Assaph: Studies in Art History*. 1998. Vol. 4. P. 109–130.

сомнение датировку Вайганда³¹, ошибочно приписывали ему мнение о постройке колонн при перестройке здания в храм. На единственной имеющейся фотографии³² хорошо видно, что трапецевидная капитель, действительно, выполнена грубее и не согласуется в сечении с коринфской капителью II в. под ней. Это признаёт и Э. Руссо³³, который, однако, указывает на примеры таких капителей в римских постройках уже III в. Но и такое уточнение в любом случае не позволяет датировать перекрытия храма II в. и ставит под сомнение точность лишь верхней границы датировки Вайганда, но не нижней, так как языческий храм Зевса не мог продолжать существовать позднее начала V в. В то же время трансформация языческого храма в христианский вряд ли произошла раньше эдиктов Феодосия I 390-х годов. Поэтому перестройку храма в Фене в церковь, с сохранением плана, но переделкой перекрытий, следует датировать рубежом IV–V вв. «Уменьшенная копия» этого храма — примерно современный ему зал («Мабед») в частном доме в Шакке IV в.³⁴

Второй обычно обсуждаемый памятник типа вписанного креста в Сирии — церковь аль-Мундира в Ресафе (569–581 гг.; илл. 2). Эта постройка интерпретировалась всеми исследователями как храм до появления статьи Ж. Соваже³⁵, который, прежде всего на основании надписи Νικᾱ ἡ τὴνχῆ Ἀλαμουνδάρου («Да здравствует Аламундар!»), носящей, по его мнению, светский характер, предложил считать ее залом приемов гассанидского правителя аль-Мундира. Однако против этой, ставшей на некоторое время почти общепринятой, точки зрения были высказаны серьезные контраргументы³⁶. К приведенному Г. Брандсом примеру надписи такого содержания в церковной постройке можно добавить еще один — из Келлий в Египте (SEG 33: 1324). Итак, сейчас церковный

³¹ Вопреки: Казарян А.Ю. Кафедральный собор... С. 124.

³² Hill S. The "Praetorium" at Musmiye... Fig. 3; *Ma'oz Z.U.* Op. cit. Fig. 5.

³³ Russo E. La scultura di S. Polieucto e la presenza della Persia nella cultura artistica di Costantinopoli nel VI secolo // *La Persia e Bisanzio*. Roma, 2004. P. 810–814. (*Atti dei Convegni Lincei*; 201).

³⁴ Restle M. Hauran // *Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. Bd. 2. Stuttgart, 1971. Sp. 998–1001; *Idem*. Šaqqa (Sakkaiā — Maximianupolis) // *Architekturdenkmäler der spätantiken u. frühbyzantinischen Zeit im Hauran* 2. Wien, 2016. S. 505–550. (*Veröffentlichungen zur Byzanzforschung*; 40).

³⁵ Sauvaget J. Les Ghassânides et Sergiopolis // *Byzantion*. 1939. Vol. 14. No. 1. P. 115–130.

³⁶ Brands G. Der sogenannte Audienzsaal des al-Mundhir in Resafa // *Damascener Mitteilungen*. 1998. Bd. 10. S. 211–235.

характер этой постройки несомненен, а предположение о ее двойной, церковно-светской функции³⁷ маловероятно ввиду отсутствия аналогий.

В результате такого сужения кругозора из поля внимания большинства ученых последней четверти XX — начала XXI в. выпало несколько других сирийских купольных храмов типа вписанного креста на крещатых столпах, активно обсуждавшихся в литературе первой половины прошлого столетия. Это церковь в Эт-Тубе (582 г.), храм № 3 в Андроне (совр. Иль-Андерин; без восточных столпов) и храм № 1 в Босре (тоже без восточных столпов и с удлинением западной части в виде базилики), а также купольные здания с изолированными угловыми ячейками: мавзолеев в Шагре (VI в.) и мавзолей в Хассе³⁸, равно как и церковь Пророков, апостолов и мучеников в Герасе (464–465 гг.)³⁹ с ее комбинированным планом (четыре подкупольные колонны при изолированных угловых ячейках; илл. 3). Храм в Эт-Тубе сохранился ниже уровня сводов, и впервые опубликовавший его Г. Батлер считал, что здание можно реконструировать и как купольную базилику (так на его разрезе), и в виде вписанного креста, в пользу чего говорит сохранившийся и аналогичный по плану храм № 3 в Андроне; плоский потолок в пастофориях ср. с аналогичным перекрытием угловых ячеек в Фене.

Теперь этот список следует пополнить еще одним важным памятником⁴⁰. В 1976–1982 гг. Т. Ульберт раскопал в северносирийской Ресафе большую ранневизантийскую базилику св. Креста, построенную, согласно найденной там надписи, в 559 г.⁴¹ Практически одновременно

³⁷ Fowden E.K. An Arab Building at al-Ruṣāfa-Sergiupolis // Ibid. 2000. Bd. 12. S. 303–324.

³⁸ Butler H.C. Architecture and Other Arts // Publications of an American Archaeological Expedition to Syria in 1899–1900. Bd. 2. N.Y., 1903. P. 246–247; Publications of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria in 1904–1905 and 1909 / ed. by H.C. Butler. Div. 2: Architecture. Sect. B: Northern Syria. Leyden, 1920. P. 19–21, 36–37; *Idem*. Early Churches in Syria: Fourth to Seventh Centuries. Princeton, 1929. P. 163–170 (перп.: Amsterdam, 1969); Glück H. Die Breit- und Langsbau in Syrien. Heidelberg, 1916. S. 72–75; *Sauvaget J.* Op. cit.; *Lassus J.* Sanctuaires chrétiens de Syrie. P., 1947. P. 142–148; редкое исключение среди поздних авторов — *Restle M.* Azra'a (Zora) // Architekturdenkmäler der spätantiken u. frühbyzantinischen Zeit im Hauran 1. Wien, 2013. S. 131–197. (Veröffentlichungen zur Byzanzforschung; 31).

³⁹ О них см.: *Gerasa, City of the Decapolis* / ed. by C.H. Kraeling. New Haven, 1938. P. 256–260.

⁴⁰ Из общих обзоров кратко упомянут только в: *Plontke-Lüning A.* Op. cit. S. 12.

⁴¹ *Ulbert T.* Die Basilika des Heiligen Kreuzes in Resafa-Sergiupolis. Mainz, 1986. Впрочем, Г. Брандс (*Brands G.* Die Entstehung einer Stadt. Beobachtungen zur

с базиликой⁴² у ее юго-восточного угла был построен центрический парэкслесий-мартирий, впоследствии пострадавший, вероятно, от землетрясения и после небольшого ремонта полностью перестроенный в конце VI столетия в укороченную базилику. Первоначальный мартирий имел форму храма типа вписанного креста с крестчатыми опорами, чьи пилястры были удлинены под большими подпружными арками, и не выраженной снаружи апсидой, фланкированной двумя прямоугольными пастофориями. Полное — вплоть до неправильной формы столпов и артикуляции фасадов — совпадение с планом храма аль-Мундира 569–581 гг. в той же Ресафе, с одной стороны, позволяет надежно реконструировать систему перекрытий мартирия, а с другой — увидеть в нем прямой образец для церкви аль-Мундира. Более того, это абсолютное сходство двух построек заставляет видеть в них, весьма вероятно, работу одной артели и соответственно сблизить их по времени, отнести к 560–570-м годам.

Данная находка для истории храмов типа вписанного креста в Сирии весьма значима. Во-первых, это самый ранний точно датированный купольный храм на четырех столпах в регионе. Во-вторых, он и храм аль-Мундира, как и Фена, показывают формирование типа: рукава креста еще отделены мощными арками и не перекрыты полуциркульными сводами, угловые ячейки завершают купольные своды, а центральную — шатер. В-третьих, наличие двух памятников типа вписанного креста в одном городе позволяет предположить, с одной стороны, что здесь могли быть и иные храмы данного типа, а с другой — что Ресафа-Сергиополь, важнейшее место паломничества на Востоке, была и центром распространения архитектурного типа вписанного креста на четырех столпах в Северной Сирии, к которой относятся также упомянутые выше Андрона и Эт-Туба.

Bauornamentik von Resafa // Spätantike u. byzantinische Bauskulptur: Beiträge eines Symposions in Mainz, Februar 1994 / hrsg. v. U. Peschlow u. S. Möllers. Stuttgart, 1998. S. 77–92. (Forschungen zur Kunstgeschichte u. Christlichen Archäologie; 19); *Idem*. Die Bauornamentik von Resafa-Sergiupolis. Studien zur spätantiken Architektur und Bauausstattung in Syrien und Nordmesopotamien. Mainz, 2002. (Resafa; VI) считает ее мартирием св. Сергия и датирует временем ок. 500 г. — в таком случае возведение парэкслесия, построенного, по всей видимости, той же артелью, что и храм аль-Мундира, все равно следует датировать серединой VI в.

⁴² Идея Б. Смита (*Smith B. Op. cit.* P. 126–129. Fig. 198), что этот храм (как и некоторые другие окрестные) был купольным, не нашла археологических подтверждений.

Напротив, для ранневизантийских Южной Сирии и Аравии (кроме церкви № 1 в Босре) оказываются характерны скорее описанные выше варианты вписанного креста с изолированными угловыми ячейками (мартирий в Шагре) или на четырех колоннах (храм в Фене и зал в Шакке), либо комбинация двух этих вариантов (церковь Пророков, апостолов и мучеников в Гересе; ср. с храмом св. Иоанна Предтечи там же).

Итак, нет никакого сомнения в том, что в V–VI столетиях тип вписанного креста был представлен в сирийско-аравийском регионе уже несколькими вариантами, два из которых — с изолированными угловыми ячейками и на колоннах — имеют еще римское происхождение, а один — на крестчатых столпах — может представлять собой продукт местной эволюции.

Иерусалим

Странным образом в дискуссии о ранних купольных храмах типа вписанного креста, в отличие от Сирии, не упоминаются ранневизантийские храмы Иерусалима и его окрестностей. Между тем общепризнано, что этот город был не только крупнейшим паломническим центром, но и источником распространения различных идей, в том числе и архитектурных. Здесь можно выделить по меньшей мере два ранних памятника данного типа⁴³.

Первый — это купольный храм св. Лазаря в Вифании близ Иерусалима. Эта церковь была построена заново на месте ранней базилики (без учета прежнего плана), однако не ясно, когда точно: раскопавший ее С. Селлер относил перестройку, на основании письменных источников, к V столетию, а другие исследователи, как кажется, с большим основанием, — к VI в.⁴⁴ Наличие соответствующих квадратным столпам пилястров на стенах и продолжающих последние лопаток на фасадах однозначно указывает на передачу нагрузки со столпов на стены

⁴³ А. Овадия (*Ovadia A. Corpus of the Byzantine Churches in Holy Land. Bonn, 1970. P. 97–98. No. 89*) сравнивал еще один храм типа вписанного креста на иерусалимской *Via Dolorosa* с Кафисмой и южным храмом в Эммаусе и датировал его предположительно V в., однако это, несомненно, постройка крестоносцев (см.: *Pringle D. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: A Corpus: in 4 vols. Vol. 3: The City of Jerusalem. N.Y., 1993. P. 89–91*).

⁴⁴ См.: *Ovadia A. Op. cit. P. 29–31. No. 18; Pringle D. Op. cit. Vol. 1: A–K (excluding Acre and Jerusalem). N.Y., 1993. P. 122–137*.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru